

КРАСНЫ ДЕВИЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

SCAN. Юрий Войкин 2012г.

ЧИТАЕМ САМИ

КРАСНЫ ДЕВИЦЫ

*Русские народные
сказки*

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1991

ББК 82.3Р-6
К78

В старину на Руси красивые, добрые, умные,
работящие девицы назывались красные,
или красны девицы. Им посвящена наша книга
русских народных сказок.

Художник С. Яровой

К78 **Красны девицы:** Русские народные сказки / Художн. С. Яровой.— М.: Дет. лит., 1991.—32 с: ил.— (Читаем сами).

ISBN 5-08-001796-1

В книгу вошли сказки: «Хаврошечка», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», «Царевна-лягушка», «Морской царь и Василиса Премудрая».

ХАВРОШЕЧКА

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка всё сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся

серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы,

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду.

Купец ей и говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову,

не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!..
Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрасивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобненько закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегают козлёночек и жалобнёхонько зовёт:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

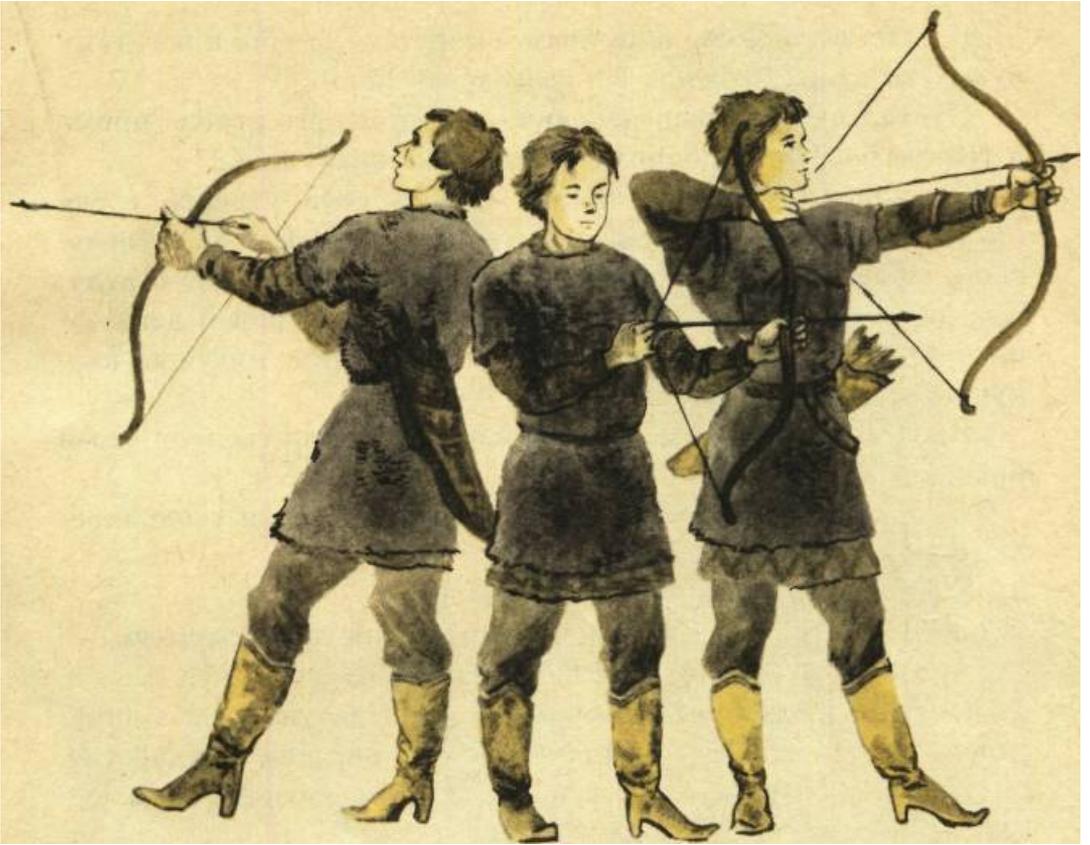
А из реки ему отвечают:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич.

Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

— Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

— За кого же нам, батюшка, посвататься?

— А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадёт — там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат. Упала стрела на боярский двор, и подняла её боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат — полетела стрела к богатому купцу во двор. Подняла её купеческая дочь.

Пустил стрелу Иван-царевич — полетела его стрела прямо в топкое болото, и подняла её лягушка-квакушка...

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу их нашли: один — в боярском тереме, другой — на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти свою стрелу. Два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашёл в топкое болото. Смотрит — сидит там лягушка-квакушка, его стрелу держит.

Иван-царевич хотел было бежать и отступить от своей находки, а лягушка и говорит:

— Ква-ква, Иван-царевич! Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж.

Опечалился Иван-царевич и отвечает:

— Как же я тебя замуж возьму? Меня люди засмеют!

— Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!

Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул её в платочек и принёс в своё царство-государство.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда чья стрела попала.

Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться, а отец говорит:

— Бери квакушку, ничего не поделаешь!

Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший царевич — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягушке-квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:

— Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жёны хлебы печь. Пусть они к утру испекут мне по караваю хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли. Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич,— говорит лягушка-квакушка,— что ты так опечалился? Или услышал от своего отца слово неласковое?

— Как мне не печалиться? — отвечает Иван-царевич.—
Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к утру каравай хлеба...

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой — такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай — рыхлый да мягкий, изукрасила каравай разными узорами мудрёными: по бокам — города с дворцами, садами да башнями, сверху — птицы летучие, снизу — звери рысучие...

Утром будит квакушка Ивана-царевича:

— Пора, Иван-царевич, вставай, каравай неси!

Положила каравай на золотое блюдо, проводила Ивана-царевича к отцу.

Пришли и старшие братья, принесли свои караваи, только у них и посмотреть не на что: у боярской дочки хлеб подгорел, у купеческой — сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

— Такой каравай только от большой нужды есть будешь!

Дошла очередь и до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:

— Вот этот хлеб только в большие праздники есть!

И тут же дал сыновьям новый приказ:

— Хочется мне знать, как умеют ваши жёны рукодельничать. Возьмите шёлку, золота и серебра, и пусть они своими руками за ночь выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим жёнам, передали им царский приказ. Стали жёны кликать мамушек, нянюшек и красных девушек — чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красные девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать — кто серебром, кто золотом, кто шёлком.

А Иван-царевич воротился домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич,—говорит квакушка,—почему так печалишься? Или услышал от отца своего слово недоброе?

— Как мне не кручиниться?—отвечает Иван-царевич.— Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковёр узорчатый!

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать: утро вечера мудренее!

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковёр ткать. Где кольнёт иглой раз — цветок зацветёт, где кольнёт другой раз — хитрые узоры идут, где кольнёт третий — птицы летят...

Солнышко ещё не взошло, а ковёр уж готов.

Вот пришли все три брата к царю, принесли каждый свой ковёр. Царь прежде взял ковёр у старшего царевича, посмотрел и молвил:

— Этим ковром только от дождя лошадей покрывать!

Принял от среднего, посмотрел и сказал:

— Только у ворот его стелить!

Принял от Ивана-царевича, взглянул и сказал:

— А вот этот ковёр в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими жёнами: хочет царь посмотреть, которая из них лучше пляшет.

Отправились царевичи к своим жёнам.

Идёт Иван-царевич, печалится, сам думает: «Как поведу я мою квакушку на царский пир?..»

Пришёл он домой невесёлый. Спрашивает его квакушка:

— Что опять, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил? О чём запечалился?

— Как мне не печалиться! — говорит Иван-царевич.— Батюшка приказал, чтобы я тебя завтра к нему на пир привёз...

— Не горюй, Иван-царевич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, ква-кушка и говорит царевичу:

— Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром — не пугайся, скажи: «Это, видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошёл Иван-царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими жёнами, разодетыми, разубранными. Стоят да над Иваном-царевичем посмеиваются:

— Что же ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс, дал бы нам всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром — весь дворец затрясся-зашатался. Все гости переполошились, повскакали со своих мест. А Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едет!

Подбежали все к окнам и видят: бегут скороходы, скачут гонцы, а вслед за ними едет золочёная карета, тройкой гнedyх коней запряжена.

Подъехала карета к крыльцу, и вышла из неё Василиса Премудрая — сама как солнце ясное светится.

Все на неё дивятся, любят, от удивления слова вымолвить не могут.

Взяла Василиса Премудрая Ивана-царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые...

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Премудрая из кубка пьёт — не допивает, остатки себе за левый рукав выливает. Лебедя жареного ест — косточки за правый рукав бросает.

Жёны старших братьев увидели это — и туда же: чего не допьют — в рукав льют, чего не доедят — в другой кладут. А к чему, зачем — того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка^ начались пляски. Пошла Василиса Премудрая плясать с Иваном-царевичем. Махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости

диву дались. А как перестала она плясать, всё исчезло: и озеро и лебеди.

Пошли плясать жёны старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами — всех гостей забрызгали; как махнули правыми — костями-огрызками осыпали, самому царю костью чуть глаз не выбили. Рассердился царь и приказал их выгнать вон из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич улучил минутку и побегал домой. Разыскал лягушечью кожу и спалил её на огне.

Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась — нет лягушечьей кожи! Бросилась она искать её. Искала, искала — не нашла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Кощея Весмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызёшь — только тогда и разыщешь меня...

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич. Снарядился, взял лук да стрелы, надел железные сапоги, положил в заплечный мешок три железных хлеба и пошёл искать жену свою, Василису Премудрую.

Долго ли шёл, коротко ли, близко ли, далёко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается,— две пары железных сапог износил, два железных хлеба изгрыз, за третий принялся. И повстречался ему тогда старый старик.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Иван-царевич.

— Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван-царевич старику своё горе.

— Эх, Иван-царевич,— говорит старик,— зачем же ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её и сни-

мать было! Василиса Премудрая хитрей-мудрей отца своего, Кощея Бессмертного, уродилась, он за то разгневался на неё и приказал ей три года квакушею быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошёл за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по тёмным лесам, катится по зелёным лугам, катится по топким болотам, катится по глухим местам, а Иван-царевич всё идёт да идёт за ним — не остановится на отдых ни на часок.

Шёл-шёл, третью пару железных сапог истёр, третий железный хлеб изгрыз и пришёл в дремучий бор. Попадается ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя! — думает Иван-царевич.—Ведь у меня никакой еды больше нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь я пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пожалел, пошёл дальше.

Идёт он чистым полем, глядь - а над ним летит большой селезень.

Иван-царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень и говорит ему по-человечески:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

Пожалел Иван-царевич селезня — не тронул его, пошёл дальше голодный.

Вдруг бежит навстречу ему косою заяц.

«Убью этого зайца!—думает царевич.— Очень уж есть хочется...»

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошёл дальше.

Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на жёлтом песке, лежит щука-рыба. Говорит Иван-царевич:

— Ну, сейчас эту щуку съем! Мочи моей больше нет — так есть хочется!

— Ах, Иван-царевич,— молвила щука,— сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над щукой, бросил её в море, а сам пошёл берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка по его слову повернулась к лесу задом, а к нему

передом. Вошёл Иван-царевич в избушку и видит: лежит на печи баба-яга — костяная нога. Увидела она царевича и говорит:

— Зачем ко мне пожаловал, добрый молодец? Волей или неволей?

— Ах, баба-яга — костяная нога, ты бы меня накормила прежде, напоила да в бане выпарила, тогда бы и выпрашивала!

— И то правда! — отвечает баба-яга.

Накормила она Ивана-царевича, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что он ищет жену свою, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю! — говорит баба-яга. — Она теперь у злодея Кошея Бессмертного. Трудно будет её достать, нелегко с Кошеем сладить: его ни стрелой, ни пулей не убьёшь. Потому он никого и не боится.

— Да есть ли где его смерть?

— Его смерть — на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в кованом ларце, а тот ларец — на вершине старого дуба. А дуб тот в дремучем лесу растёт.

Рассказала баба-яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил её царевич и пошёл.

Долго он по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришёл наконец к Кошееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто вёрст в земле раскинул, ветками красное солнце закрыл. А на самой его вершине — кованый ларец.

Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларец достать.

«Эх, — думает, — где-то медведь? Он бы мне помог!»

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился наутёк.

«Где-то мой заяц? — думает царевич. — Он этого зайца непременно догнал бы...»

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого

зайца, ухватил и разорвал пополам. Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо.

«Где-то мой селезень?» — думает царевич.

А уж селезень за уткой летит — прямо в голову клюёт. Выронила утка яйцо, и упало то яйцо в синее море...

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

— Где-то моя щука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг подплывает к берегу щука-рыба и держит в зубах яйцо.

— Получай, Иван-царевич!

Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у неё кончик. И только отломил — умер Кошей Бессмертный, прахом рассыпался.

Пошёл Иван-царевич в Кошечьи палаты. Вышла тут к нему Василиса Премудрая и говорит:

— Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти, теперь я весь век твоя буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кошечьей конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в своё царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время дома не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в своё государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилёг на брюхо и давай глотать студёную воду. Пьёт и не чует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

- Пусти! — просит царь.
- Не пушу, не смей пить без моего ведома!
- Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!
- Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не знает? Кажись, всё знает, всё ему ведомо,—и согласился. Попробовал — бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси. Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про своё милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растёт себе да

растет, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

«Сколько ни держать при себе,— думает царь,— а отдавать надобно: дело неминуемое!» Взял Ивана-царевича за руку, привёл прямо к озеру.

— Поищи здесь,—говорит,—мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идёт по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

— Куда идёшь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся с богом!

И пошла старушка в сторону.

А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу её; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет». И стал ворочать старушку:

— Воротись, бабушка, да прости моё слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмёт тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять вёрст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожня, не угоди на неё попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждёт поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на неё заглядывался, да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался и унёс сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унёс кто-то; бросились все искать, искали, искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой; я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделались голубицами, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда: коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведёт в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдёшь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича. А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит — и там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зелёные, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать вёрст и в длину и поперёк — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтоб к завтраму было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идёт Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать: утро вечера мудренее, всё будет готово!

Лёг спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело,

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — всё готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нём рожь — столь высока, что галка схоронится.

Пошёл к морскому царю с докладом,

— Спасибо тебе,— говорит морской царь,— что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копён — всё пшеница белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зёрнышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич; опять идёт по двору да слезами обливается,

— О чём горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом, утро вечера мудренее.

Царевич лёг спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберете зерно из батюшкных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовёт морской царь Ивана-царевича:

— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдём посмотрим,

Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы — все закрома полнёхоньки зерном.

— Спасибо тебе, брат!—сказал морской царь.—Сделай мне ещё церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была **готова**: это будет твоя последняя служба.

Опять идёт Иван-царевич по двору, слезами умывается.

— О чём горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это ещё не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич улёгся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчёлы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова!

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошёл к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня ни было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства сберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жёны.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдём мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневется и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трёх углах, заперла двери в своём тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранёхонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовёт.

— Ещё рано, мы не выспались, приходите после! — отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой- и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите немного: встанем, оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные: царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали дверь, а в тереме пусто.

Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

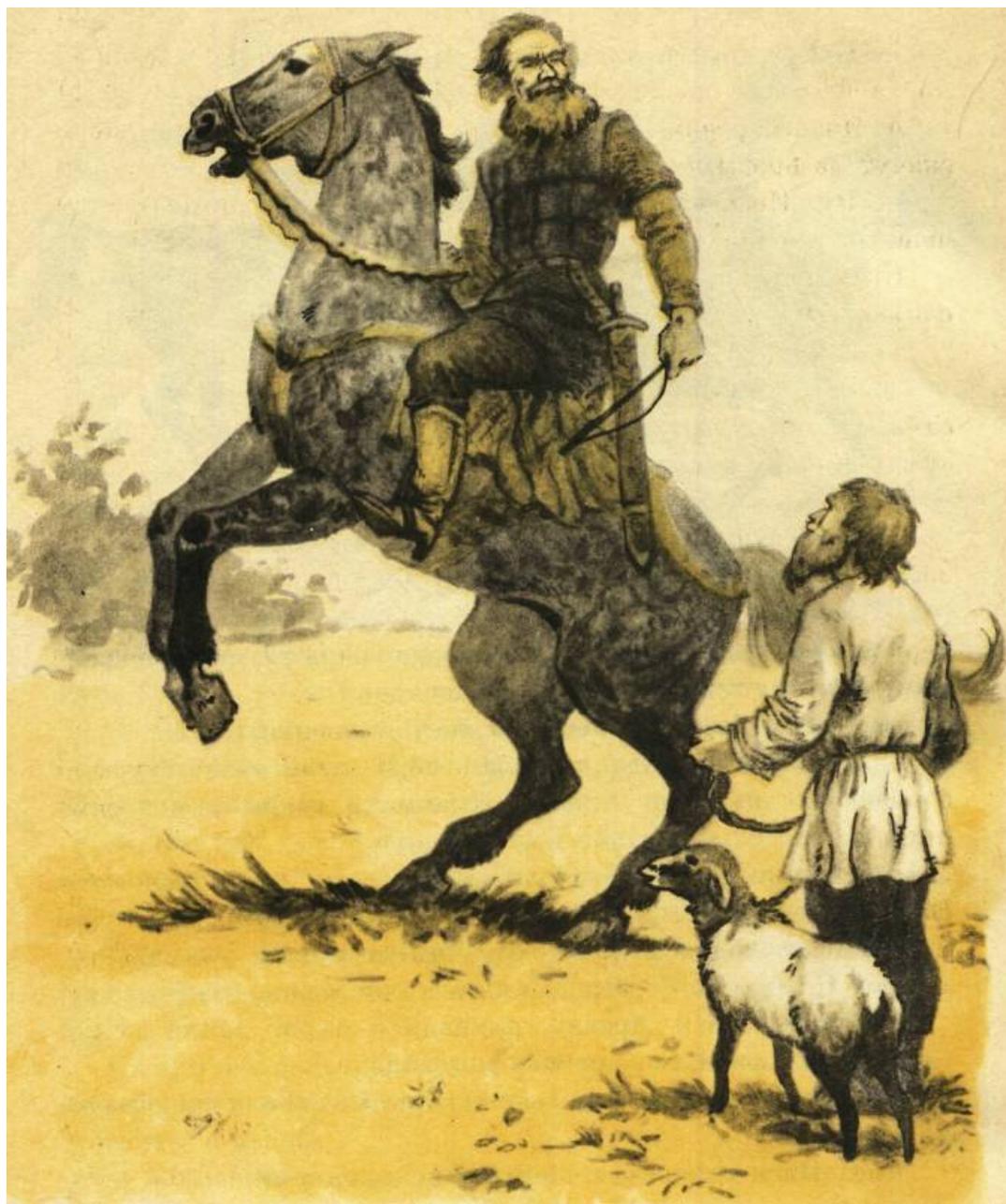
— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зелёным лугом, Ивана-царевича — старым пастухом, а сама сделалась сминою овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царе-

вич.—Сорок лет, как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видали только: пастух овечку пасёт,

— Что ж не хватали? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях.

— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, а лошадей — деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал. Сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролётывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попастарика.

— Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слышать ли погони?

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуше прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича — селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто

таковы утка и селезень, ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орёл убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнёт; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнёт! Бился, бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал царь морской в своё подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридешатое царство.

— Подожди меня в этом лесочке,—говорит Иван-царевич Василисе Премудрой,— я пойду доложусь наперёд отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, когда станут два голубка в окна биться!

Пришёл Иван-царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его. На радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живёт день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвиrne в работницы. Стали просвиры готовить, она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

— Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков!

— А что будет? Съедем их — вот и всё!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту же минуту голуби встрепенулися, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашёл её у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привёл к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

«ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».

В 1991 году вышли и выходят книги:

ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ.

Стихи, рассказы, сказки,
поговорки, загадки о лесе

ОРЕЛ И КОШКА.

Рассказы русских писателей

Толстой Л. Н.

РАССКАЗЫ И БАСНИ

Зощенко М.

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Пришвин М.

ВАСЯ ВЕСЕЛКИН.

Рассказы

Тайц Я.

ДОМ.

Рассказы.

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

КРАСНЫ ДЕВИЦЫ

Русские народные сказка

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технические редакторы *И. С. Круглова*,
И. П. Савенкова. Корректор *Е. А. Сукьян*.

ИБ № 12)29

Сдано в набор 02.03.90. Подписано к печати 26.12.90. формат 70X100/16- Вум. тип. № 2. Шрифт обычков. Печать офс.
Усл. печ. л. 2.6. Усл. кр.-отг. 6,5. Уч.-изд. л. 2,1. Тираж 4 000 000 (2-й завод 2 000 001—4 000 000) экз. Заказ 703. Цена 30 к. Орде-
нов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой
информации РСФСР. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь, про-
спект 50-летия Октября, 46.

шш